

ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	3
Патриарх Московский и Всея Руси Алексий. Приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия участникам Международной конференции «Духовная традиция в русской литературе».....	6
Бунтов С.Д. Приветственное слово профессора, ректора Удмуртского государственного университета.....	8
Раздел I. Христианская традиция в русле теории, истории и критики.....	
Есаулов И.А. Художественное творчество и православная традиция.....	10
Кириллин В.М. «Отвещание любозаборным» преп. Иосифа Волоцкого: размышление в лицах об иноческом подвиге как авторская самохарактеристика.....	28
Воропаев В.А. Гоголь и церковное слово.....	48
Иеромонах Евфимий (Моисеев). Значение исследователей русского зарубежья в осмыслении духовного характера творчества Н.В. Гоголя.....	63
Мясалёва Г.В. «Храмостроительство» русской словесности: старчество и икона.....	74
Гуминский В.М. «Сказание» иноха Парфения и русская литература.....	97
Каширина В.В. Эпизод о златнице в житии преп. Льва Оптинского и в романе Ф.М. Достоевского «Бесы».....	128
Лебедев Ю.В. О духовных корнях русской литературы XIX века.....	138
Любомудров А.М. Христианская традиция в литературе русского зарубежья. Единство веры и многообразии художественных форм.....	160
Милютин М.Г. Попытка как проявление неполного знания, веры и надежды.....	173

Раздел II. Православие и отечественная словесность XII - XIX веков.....	
Священник Георгий (Харин). Древнерусский монастырь как центр летописания и народного просвещения.....	184
Килина Л.Ф. «Повесть временных лет» как текст, репрезентирующий христианскую систему ценностей.....	199
Никифорова С.А. «Распетое богословие» и формирование христианской православной терминологии (композиции).....	205
Коздрин Я.Р. Символ лестницы в русской духовной литературе XVIII - XIX вв.....	213
Ложкина А.О. Образ женщины в аспекте христианской традиции и житийной литературы.....	218
Здор А.В. Свт. Игнатий (Брянчанинов) как представитель исихастской традиции в России.....	223
Сильченко Г.В. Духовная лирика в контексте поэтического творчества П.П. Ершова.....	234
Вахрушева А.Н. Категория соборности в пейзажной лирике А.С. Хомякова.....	240
Косяков Г.В. Метафизика бессмертия в поэме В.А. Жуковского «Агасфер. Странствующий жид».....	246
Меркулова И.И. Образ дороги в творчестве Н.В. Гоголя: в контексте христианской традиции.....	253
Хайруллина О.Н. Паломническая тема в русской литературе середины XIX в.: особенности жанрово-стилевого воплощения (на материале очерка Н.Н. Берга «Иерусалим»).....	258
Шумилов Е.Ф. Православный писатель Н.Н. Блинов.....	268
Мишина Г.В. Чудо ожидаемое и явленное в произведениях Н.А. Некрасова.....	272
Кондратьев Б.С., Тюрина О.П. О «высшем смысле» романов Ф.М. Достоевского.....	277
Лелис Е.И. Философия скуки у А.П. Чехова: текст - подтекст - интертекст.....	283
Гагарина Н.Н. Изгнание бесов в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.....	289
Тарасов А.Б. Проблема духовного здоровья в русской литературе второй половины XIX века.....	293
Юрина Н.Г. Апокалиптическое повествование как жанровая составляющая «Трех разговоров» В.С. Соловьева.....	302

Раздел III. Русская литература XX – начала XXI веков и ее духовные основы 307

Маркова М.М. Философия юмора Н.А. Тэффи	307
Казеева Е.А. Модернистская рецепция образа Франциска Ассизского: «символы» Д.С. Мережковского	316
Красильников Р.Л. Мотив смерти в «пасхальном» рассказе начала XX века (на примере творчества Л.Н. Андреева)	322
Малых В.С. Иконические мотивы в творчестве Н.С. Гумилева	329
Серго Ю.Н. Сюжет смирения в рассказе Б.К. Зайцева «Белый свет»	336
Ничипоров И.Б. Подвиг святости в творческом осмыслении Б. Зайцева («Преподобный Сергий Радонежский», «Алексей Божий человек», «Сердце Авраамия»)	344
Овчинникова М.Н. Жития святых в обработке Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (Сборник «Жатва духа» 1927г.)	353
Резник О.В. От мемороцентризма – через антропоцентризм – к теоцентризму (духовные искания русской эмиграции первой волны)	363
Коршунова Е.А. Особенности художественной иконичности в прозе И.С. Шмелева 1930-х – 40-х годов	373
Ромашова Т.И. Временное и Вечное в очерковом цикле И.С. Шмелева «Сидя на берегу»	384
Серова М.В., Хикматуллин Р. А. «Requiem» А. А. Ахматовой: к вопросу о жанровой традиции	391
Гришко С.В. Поэтика романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и русская религиозная философия: вопросы любви и пола	403
Новожёва И.В. «Христианство через крест-янство у всех у нас в крови вплоть до последнего атеиста» (православные основы мировоззрения героя деревенской прозы)	407
Чевтаев А.А. Событие Рождества в поэтическом мире С. Кековой: художественная аксиология «Рождественской поэмы»	412
Николаева Е.А. Поливариантность личности в социокультурном контексте христианства (на примере романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»)	422
Харитоновна Е.В. Оппозиция <i>вера/безверие</i> в романе Анны Матвеевой «Небеса»	426
Ушаков Г.А. Иван Ильин как типичный представитель философско-христианской литературы XX века	435

Раздел IV. Христианская традиция в мировой культуре 443

Александрова Н.К. Христианство и его влияние на средневековую литературу Западной Европы	443
Любарец С.Н. Мемуары мадам де Сталь «Десять лет в изгнании»: православные традиции России глазами писательницы	446
Котова Н.В. Образ Христа-художника в «Тюремной исповеди» О. Уайльда	453
Зорина З.И. Библейский мотив соли в романе М. Турнье «Каспар, Мельхиор и Бальтазар»	457
Гусынина Е.Б. Заколюкина Ю.В. Актуализация лексического фона библейских имен в контексте художественного произведения	461
Гусынина Е.Б. Коробейникова Т.В. Православный дискурс как синтез языков и культур	466

Раздел V. Основы Православия в народной культуре и образовании 471

Тамаркина Э.А. Концепт «сердце» в русской народной сказке и его духовный смысл в Православии	471
Шейдаева С.Г. Выбор личного имени в русской традиции (на материале метрических книг Свято-Троицкой церкви Бемышевского завода)	481
Тростина М.А. Духовные стихи в устной традиции русского населения Мордовии: жанровые разновидности, тематическая классификация	488
Протоиерей Михаил Атаманов. Очерки о благочестивых христианах-удмуртах	493
Ломаева И.С. «Литературная гостиная»: Пушкин и Шекспир (поэтический диалог)	501
Липилина Е.Ю. Изучение древнерусской агиографии в русском литературоведении 1950 – 1990-х годов	506
Денисова Д.Н. Духовно-нравственное воспитание в духе Православия	512
Друговская А.Ю. Фролова Е.В. Место и роль древнерусской литературы в преподавании дисциплины «Основы православной культуры» в школе	515

УДК 821.161.1.09(063)
ББК 83.3(2=Рус)-3я431
Д 853

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный редактор, составитель
доктор филологических наук, профессор Г.В. Мосалева

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, доцент – Т.В. Зверева
доктор филологических наук, профессор – М.Г. Милютина
кандидат филологических наук, доцент – И.В. Фазиулина

Д 853 Духовная традиция в русской литературе: сборник научных статей / науч. ред., сост. Г.В. Мосалева. – Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2009. – 524 с.

ISBN 978-5-7029-0394-1

Сборник научных статей подготовлен на основе материалов Международной научной конференции «Духовная традиция в русской литературе» (Ижевск, 13–15 ноября 2008 года). Издание посвящено изучению отечественной словесности в ее культурно-генетической связи с православной духовностью, что обусловлено возрождением интереса к отечественным традициям и ценностям в научной гуманитарной сфере.

Издание адресовано ученым, преподавателям-словесникам, аспирантам и студентам, всем интересующимся русской литературой.

УДК 821.161.1.09(063)
ББК 83.3(2=Рус)-3я431

ISBN 978-5-7029-0394-1 © Г.В. Мосалева, составление,
научное редактирование, 2009
© Удмуртский государственный университет, 2009
© Издательский дом «Удмуртский университет», 2009

**Светлой памяти Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II**

Идея проведения конференции «Духовная традиция в русской литературе» возникла 5 августа 2007 года – в день освящения заново возведенного Свято-Михайловского собора, уничтоженного большевиками. Примечательно, что собор был восстановлен и освящен спустя 100 лет с момента первого освящения храма. Архистратиг Михаил – покровитель русского воинства и оружия, а Ижевск исторически возникает как город оружейников, поэтому строительство Храма в 1893 году в честь своего небесного покровителя ижевские оружейники восприняли как «святое дело».

Восстановленный Свято-Михайловский собор стал символом конференции. Его восстановление означало одно: неуничтожимость Святой Руси – Божьего народа, сохранившего свою веру. Ведь за годы советской власти из 484 храмов в республике к 1988 году осталось всего лишь 24. А для глубинки России, для Удмуртии возрожденный храм свидетельствовал об окончательном освобождении людей от страха, о возвращении к своим истокам и святыням, о наступлении эпохи созидания, а не разрушения.

На освящение собора в Ижевск впервые в истории Удмуртии прибыл Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. И народ Божий понял: нет дороги у человека более важной, чем путь к Храму, чем жизнь в свете евангельских заповедей.

Тогда, обращаясь ко всем жителям Удмуртии, Святейший Патриарх произнес важные слова о том, что «благополучие российского общества неразрывно связано с духовностью, с

отеческой верой, со святым Православием» и призвал твердо следовать многовековым отеческим традициям. С особой теплотой Святейший Патриарх сказал о людях Удмуртии, сохранивших в себе доброту, душевность и сердечность: «И я сохраняю эти лица в своем сердце».

Как все не случайно в этом мире, как много бывает в нашей жизни совпадений и каких совпадений! Вот только научиться бы их еще и замечать...

Открытие конференции первоначально планировалось на 14 ноября, но потом все как-то устроилось иначе, и ее официальное открытие произошло днем раньше, 13 ноября. И оказалось, что несколько десятилетий назад, в 1918 году в этот же самый день, как свидетельствуют источники, ижевскими чекистами были расстреляны священники Аркадий Скарданицкий, Михаил Кибардин, дьякон Михаил Пикулев и многие прихожане храма Михаила Архангела. Получается, что и их молитвами тоже устроилась наша конференция.

Неофициальное же ее открытие произошло днем раньше, на молебне в Троицком соборе – единственном действующем при советской власти храме в Ижевске. После молебна в Троицком участники конференции посетили и другие ижевские храмы – Собор Святого Александра Невского и, конечно, Свято-Михайловский.

За час до открытия конференции собирающимся на нее слушателям и участникам в актовом зале Удмуртского университета показывались фрагменты фильма о еще недавнем и памятном всем событии – освящении Патриархом всея Руси восстановленного Свято-Михайловского собора. Весть о Приветствии Святейшего мгновенно облетела зал...

Тогда, конечно, никто и предположить не мог, что через три недели после ее завершения Святейшего Патриарха не станет и что все мы удостоимся великой чести – последнего отеческого благословения.

Свято-Михайловский собор стал символом всех изданий конференции: Программы и Сборника научных статей, подготовленных по ее материалам.

Сборник статей – общая посильная лепта в деле освобождения науки от атеистического бремени, от советской мифологии, разделяющей веру и науку на две несообщающиеся между собой сферы. Честный ученый, прикасающийся к русской словесности, корнями своими связанной с «греко-византийским наследием», не может его проигнорировать, как не может однажды не поставить перед собой вопрос о смысле своих научных занятий и своего жизненного пути.

Среди авторов статей – представители духовных и светских образовательных учреждений, ученые и педагоги, все те, кому небезразлична судьба отечественной науки, образования и просвещения и – самой России. Каждый человек, в каком бы звании он ни был на земле, должен успеть прийти в храм, а ученый-просветитель обязан ему в этом помочь. И как точно сказал об этой ответственности Святейший Патриарх: «Всем нам придется перед историей и перед Богом ответить, насколько каждый из нас воспользовался нынешним благоприятным временем для Церкви, для ее возрождения».

От составителя

Патриарх Московский и Всея Руси Алексей

**ПРИВЕТСТВИЕ СВЯТЕЙШЕГО
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ**

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Николаю,
Митрополиту Ижевскому и Удмуртскому
Ректору Удмуртского государственного университета С.Д. Бунтову
Организаторам и участникам конференции «Духовная традиция в
русской литературе»

**Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка
Митрополит!
Многоуважаемый Семен Демьянович!
Уважаемые участники конференции!**

Сердечно приветствую Вас с пожеланиями помощи Божией в работе конференции «Духовная традиция в русской литературе», приуроченной к 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав России.

Войдя 450 лет назад в состав многонациональной России, народы Удмуртии стали полноправными наследниками богатейшей духовной и культурной традиции нашего Отечества, фундаментом которой было и остается Святое Православие, а ее неотъемлемой частью и одним из самых ярких проявлений — великая русская литература.

В русской классической литературе и в литературе народов России нашло свое выражение вековое стремление человека к высшей справедливости, к Правде Божией, к воплощенной Истине — Господу нашему Иисусу Христу. Обостренное чувство правды, нравственная чуткость, стремление к справедливости, отзывчивость к общемировым и общечеловеческим проблемам стали доминантой развития русской литературы.

Именно Православная традиция имела определяющее значение для русской литературы, сформировала ее неповторимость и уникальность. По глубине проникновения в жизнь души, по совокупности поднятых проблем, касающихся сокровенных глубин человеческого духа и бытия, эта литература по праву занимает исключительное место в мировой культуре.

Показательно, что данный форум организован совместными трудами Ижевско-Удмуртской епархии Русской Православной Церкви и Удмуртского государственного университета. Это является одним из многих свидетельств возрождения духовной жизни в республике, наряду с организацией конструктивного диалога между представителями светской и церковной науки и восстановлением порушенных святынь.

Убежден, что сотрудничество Церкви и Ижевского государственного университета станет залогом развития в Удмуртии лучших традиций науки и образования.

Желаю Вам, Ваше Высокопреосвященство, дорогой владыка митрополит, многоуважаемый Семен Демьянович, а также всем участникам конференции благословенных успехов в трудах на благо нашего народа, российской науки и образования!

Патриарх Московский и Всея Руси

I

ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУСЛЕ ТЕОРИИ, ИСТОРИИ И КРИТИКИ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ*

И.А. Есаулов
(Москва)

Как недавно напомнил протопресвитер Борис Бобринский, сущность православной традиции состоит «в передаче Евангельской вести в пространстве и во времени, в инкультурации Евангелия в данную культуру и время». Традиция играет решающую роль в жизни Православной Церкви. Акцентирующий этот момент цитируемый нами автор, тем не менее, вынужден заметить, что «характерной особенностью... современного общества стала утрата традиции – нарушение непрерывности, которая связывала все поколения, исчезновение вытекающего отсюда авторитета, определяющего действия и поступки ныне и в будущем. Современное радикально порывает с традицией и провозглашает, что та утратила свою

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного гуманитарного фонда (РГНФ), проект 06-04-00454а

силу в религиозной, социальной или семейной сфере»¹. Нам часто приходится слышать, что сама сущность художественного творчества в его «новаторстве» основывается на принципиальном отталкивании от традиции. В рамках статьи, разумеется, невозможно не только сколько-нибудь полно попытаться разрешить проблему соотношения творчества и традиции, но и даже эскизно наметить это разрешение. Тем не менее, попытаемся сформулировать некоторые узловые моменты проблемы.

Присутствие в произведении культурной памяти может быть определено как традиция. Осмысление в художественном творчестве христианской сущности человека и христианской картины мира, имеющее трансисторический характер, свидетельствует о собственно *христианской* традиции. *Формы* же присутствия культурной памяти различны в тех или иных жанрах, родах, стилях и дифференцируются в зависимости от эпохи создания произведения.

Эта традиция соприродна культуре русского народа и включает в себя православные *церковные* представления, а также широкий круг образуемых вокруг этих представлений как духовного ядра традиции примыкающих к нему других культурных ярусов. Таковыми являются, например, духовные стихи, пословицы, поговорки и другие явления культурной жизни народа, отнюдь не «оппозиционные» Православию, но по-своему «адаптирующие» догматы Церкви к народному сознанию и, тем самым, структурирующие это сознание. Тогда как «самовольное» использование христианских образов, намеренно идущее вразрез именно той совокупности культурных представлений, которую и можно обозначить в качестве православной традиции, трансформирует христианский образ мира и приводит к искажению самой традиции.

Фольклорное творчество как таковое зиждется на традиции. Однако и в письменной словесности вплоть до конца XVIII в. доминирует установка на «готовое слово» традиционной культуры², следствием которой и становится «традиционализм» – ориентация на готовые же сюжеты, жанры, типы повествова-

ния. Неправомерно понимать эту установку как помеху творческой деятельности: само художественное творчество мыслится как своего рода «состязание» в пределах риторической традиции и осваивает онтологические горизонты мира. Однако это «состязание» основывается не столько на предпочтении чужого своему, сколько на согласовании личного и всеобщего.

Неверно трактовать традиционалистскую установку и как своего рода нетворческое «клонирование» готовых художественных форм. Так, по П.В. Флоренскому, в многоголосии русской песни «полная свобода всех голосов, «сочинение» их друг с другом, в противоположность подчинению. Тут нет раз навсегда закрепленных, неизменных хоровых «партий». При каждом из повторений напева, на новые слова, появляются новые варианты, как у запевалы, так и у певцов хора. Мало того, нередко хор, при повторениях, вступает не на том месте, как ранее, и вступает не сразу, как там, — вразбивку; а то и вовсе не умолкает во время одного или нескольких запевов»³. Однако творческая свобода самовыражения, не противостоящая традиционному «канону», и в целом характерна для фольклора. Современные исследователи пришли к выводу, что фольклору присуще «сочетание стабильности и пластичности в определении диапазона вариативности <...> тип и масштаб варьирования зависят от типов замещающих элементов и колеблются в определенных пределах»; «в памяти исполнителя... хранится не заученный текст, а некая доминантная структура, его более или менее подробный контур»; «певцы и сказители способны запоминать тысячи и тысячи строк наизусть, однако механизм творческой трансмиссии далеко не сводится просто к произнесению заученного»; «в принципе варьирование — исконная черта фольклора, и поиск единого прототипа первоначального текста, как правило, является научной утопией»⁴.

Однако не только устное творчество, но и письменная словесность в традиционалистскую эпоху предполагает широкое варьирование в пределах системы инвариантов культуры не в виде исключения, а в качестве *нормы*. Скажем, иконописный канон отнюдь не стесняет творческие устремления средневеко-

вого иконописца: *готовые* иконографические типы, по точной формулировке В.Н. Лазарева, «служили для художника своего рода руководящей нитью, напоминанием, намеком, отнюдь не стесняя его творческой фантазии, а лишь направляя ее в определенное русло»⁵. Да и в целом «высокий уровень канонизации художественной системы литератур древности и средневековья не превращал... автора традиционалистской эпохи в копииста, бездумного воспроизводителя заданного традицией образцов. Автор... не только следовал образцам, нормативным установлениям, но и, как правило, получал широкие возможности их изменения...»⁶.

Таким образом, традиционализм не следует понимать как нечто противостоящее авторской индивидуальности: само создание произведения в эту эпоху предполагает творческую работу автора с готовым словом. Писателю предстоят такие онтологические универсалии, из следования которым с неизбежностью вытекают заданные предшествующей традицией стилистические, жанровые, сюжетные литературные модели⁷. «Раскрыть творческую индивидуальность» (если использовать расхожий речевой штамп последующей эпохи) *минуя* эти модели невозможно отнюдь не по причине внешнего подавления традиционным каноном индивидуального начала, но в силу иного представления о самой внутренней сути творчества. Порвавшее с готовым словом произведение (будь оно создано) рассматривалось бы именно как нарушение освященных традицией состязания, свидетельствующее не об «оригинальности» автора-нарушителя, но о его культурной несостоятельности, попросту говоря, о его явном неумении писать. И напротив, творческая свобода автора находит свое воплощение именно в сфере бытования этого готового слова риторической культуры. «Предел, поставленный традиционным жанровым сознанием, не воспринимается как насильственное ограничение, как фактор несвободы... его наличие позволяет с тем большей остротой почувствовать универсальность эстетической деятельности как сумму творчески-личных усилий и свою причастность к ней как форму выражения своей субъективности»⁸.

Однако традиция шире традиционализма как исторически локализованного эпохой риторики культурного явления, верхними границами которого стали классицизм и барокко. В произведениях, созданных в рамках романтизма и реализма XIX века, «готовое слово» риторики сменяет избирательное наследование тех или иных культурных токов. Антитрадиционалистская установка в этот период, таким образом, отменяя заданность готовых моделей, не только не отменяет вместе с ними культурную память, но, напротив, по мысли В.Е. Хализева, «преодоление традиционализма... радикально расширило сферу традиции в литературном творчестве и тем самым укрепило ее значимость»⁹. В самосознании романтиков, несмотря на акцентирование ими индивидуально-личностного авторского начала, *преемственность* по отношению к культурной памяти отнюдь не является второстепенным фактором, но это уже не *преемственность буквы*, готового слова, но *преемственность духа*.

В первом манифесте романтизма – «Гении христианства» Ф.Р. де Шатобриана – автор рассуждает о воздействии христианства на поэзию; о том, что влияние «духа» христианства «преобразило человеческую душу и создало в современной Европе народы, совершенно отличные от античных»¹⁰, а потому решающим образом воздействовало на европейскую литературу и искусство. По мысли Шатобриана, «со времени провозглашения Евангелия моральные основы отношений между людьми изменились, по крайней мере среди христиан. У древних, например, смирение считалось низостью, а гордыня – величием; у христиан же, наоборот, гордыня – величайший грех, а смирение – одна из первых добродетелей. Одно это изменение показывает уже человеческую природу в ином свете...»¹¹. Если ранее доминировало представление о абсолютном единстве человеческой природы, то со времени романтизма рефлексировалось уже различие традиций, порождающее различные образы мира в литературе; тот же Шатобриан пытается описать не универсалистскую поэтику, но *поэтику христианства*,

ориентированную на христианскую традицию и выражающую дух христианской эпохи. Если в христианстве «все являет нам внутреннего человека, все стремится рассеять мрак, которым он окутан»¹², то и христианская поэтика романтической эпохи обращается к истории человеческой души. В. Гюго, отвергая готовое слово («стертые обороты речи», «старые выражения»), призывает к верности «духу языка» и сокрушается, что «литература великого века Людовика Великого» поклонялась «языческим богам», и энергично выражает готовность «исправить зло». Фраза Гюго «Истинный поэт никогда не будет эхом никакого другого слова, кроме слова Божия», выражает, с одной стороны, отказ от «готового» традиционализма; с другой стороны, ориентацию на евангельскую традицию: «христианство приводит поэзию к правде. Подобно ему, новая (то есть романтическая. – И.Е.) муза будет смотреть на вещи более возвышенным и свободным взором»; для Гюго «поэзия нашего времени» – это «поэзия рожденная христианством»¹³.

Несмотря на усиленный интерес в эпоху романтизма к понятию *национальная традиция*, для европейских литератур это «открытие христианства» весьма значимо. Так, немецкие романтики сходным образом разграничили искусство на классическое (античное, языческое) и романтическое (средневековое, христианское). Однако, несмотря на это, понимать романтическую интенцию как непосредственное восстановление христианской традиции неправомерно. Едва ли случайно «только после романтизма («демонические» образы Дж. Байрона, «Демон» М.Ю. Лермонтова и т.п.) в струе либерализма и антиклерикализма, образ сатаны как вольнолюбивого мятежника может стать однозначно положительным, обретая черты идеализированного греческого божества. Для А. Франса как наследника этой традиции уже аксиоматично, что сатана – идеал, и он играет с этой аксиомой в «Восстании ангелов», вывертывая ее наизнанку и доказывая, что даже сатана, придя к власти, перестает быть симпатичным. Параллельно с этим «сатанинские» мотивы разрабатывались декадентством конца XIX в. и его позднейшими вариациями»¹⁴.